

Глава 2

Спасение

Рассвет едва брезжил. Свинцовые тучи тяжело нависали над землёй, а утренний туман, пропитанный густой влагой, стелился над рекой. В тихом журчании воды прибрежные травы и деревья тонули в мутной дымке.

Веки свело от боли, но под ними что-то дрогнуло, и Цзянь Жу резко распахнул глаза.

— Кха... кхэ-кхэ... — он судорожно хватал ртом воздух, заходясь в приступе кашля и сухих рвотных позывов. Вся грудь горела огнём.

Повернув голову набок, он откашлял несколько глотков грязной воды.

Прошло немало времени, прежде чем дыхание выровнялось. Цзянь Жу тяжело моргнул и только теперь осознал, что всё тело ломит от боли. Мокрая одежда липла к коже, и, несмотря на летнюю пору, холод пробирал до костей, заставляя дрожать.

Где-то вдалеке, в горах, выло какое-то животное, да раздавались жутковатые птичьи крики. Звуки доносились глухо, словно сквозь пелену.

В уши, должно быть, попала вода.

Цзянь Жу потрянул головой, и его снова едва не стошнило. Он зажмурился, пытаясь прийти в себя.

Внезапно на лицо и тело упали крупные, тяжёлые капли. Снова пошёл дождь.

Он не умер. Цзянь Жу горько усмехнулся. Видно, даже речной бог им побрезговал и выплюнул обратно.

Спину немилосердно кололи камни, холод становился невыносимым. Он огляделся.

Это, должно быть, низовья реки Чжусю. Здесь течение становилось мельче. Его вынесло на берег, и он застрял среди прибрежной гальки.

Судьба в очередной раз уберегла его от смерти, но, оставив в живых, не дала и шанса на хорошую жизнь.

Сердце Цзянь Жу наполнилось ледяной тоской.

Дождь усиливался. Если он и дальше будет так лежать, то до смерти останется совсем недолго.

Худая жизнь лучше доброй смерти. Цзянь Жу отбросил мрачные мысли и, опершись на локти, попытался подняться. И тут он понял, что что-то тяжёлое придавило ему ноги, не давая пошевелиться.

Собравшись с силами, он приподнялся и посмотрел вниз. Чёрные как смоль волосы, концы которых погрузились в реку и покачивались в такт течению. Их обладатель лежал ничком у него на животе. Его белые одежды промокли и перепачкались в грязи.

Цзянь Жу удивлённо моргнул и опустил взгляд на белую руку с тонкими, чёткими суставами пальцев, что лежала у него на груди.

Мгновение он смотрел на неё, а потом, осознав, что происходит, вспыхнул и торопливо смахнул её с себя.

Рука бессильно упала на землю.

Цзянь Жу ещё немного посмотрел на неё, а затем, издав стон, резко приподнялся, схватил незнакомца за плечи и, собрав все силы, оттащил его в сторону.

После этого он, обессиленный, тяжело дышал. Боль во всём теле усилилась.

На лбу вздулись вены. Он сощурился, пытаясь разглядеть, жив ли тот человек, но, увидев его лицо, замер.

Цзянь Жу никогда не видел никого с такой белой кожей. И никогда не видел никого столь прекрасного.

Небо было затянуто тучами, но Цзянь Жу показалось, что этот человек сияет, словно сошедший с картины небожитель.

Кто это? И как он оказался здесь вместе с ним?

Неужели... Цзянь Жу в изумлении уставился на него. В затуманенном сознании промелькнула нелепая мысль. Неужели это... речной бог?

Дождь лил как из ведра.

Цзянь Жу, сгорбившись, из последних сил тащил незнакомца к подножию горы.

Он уже успел осмотреться: вокруг не было ни души, лишь у подножия горы виднелся неглубокий грот, где можно было укрыться от непогоды.

Человек, которого он тащил, кажется, начал приходить в себя. Его длинные ресницы дрогнули, грудь неровно вздымалась. Земля была вся в грязи, камнях и ветках, и волочить по ней было, конечно, мучительно, но Цзянь Жу делал всё, что мог. Незнакомец казался худым, но был довольно высок, и Цзянь Жу, попытавшись, понял, что взвалить его на спину ему не под силу.

Кое-как дотащив его до пещеры, Цзянь Жу, у которого от усталости потемнело в глазах, рухнул у входа и, глядя на стену дождя, стал переводить дух.

Он бессознательно подставил ладонь под струи дождя и принялся тереть ею другую руку, снова и снова.

В глубине пещеры послышался шорох. Цзянь Жу обернулся и увидел, что лежавший на земле человек в белом приподнял руку и коснулся лба, словно от головной боли.

Затем он опустил руку и, опёршись на неё, сел. Длинные волосы рассыпались по плечам, открывая изящные черты лица.

Он посмотрел в сторону входа, и их взгляды встретились.

— Ты... кто? — спросил молодой человек чуть охрипшим голосом.

Цзянь Жу сглотнул.

Кожа незнакомца была белой, губы — полными и алыми, щёки тоже горели румянцем, что особенно красиво смотрелось на фоне чёрных волос.

Не похож на смертного. Это точно речной бог, подумал Цзянь Жу.

Он спросил, кто я? Цзянь Жу хотел сказать, что он Цзянь Жу из деревни Чаншоу. Хотел сказать, что его бросили в реку вместо другого, чтобы он стал супругом речного бога. Но как объяснить всё это в двух словах?

Незнакомец ждал ответа, и Цзянь Жу заволновался. Он шевельнул губами и, не подумав, выпалил:

— Я твой супруг.

Сказав это, он тут же залился краской.

А молодой человек посмотрел на его всё ещё мокрое красное свадебное платье с явным недоумением и удивлением на лице.

— Ой, нет, — Цзянь Жу вскочил, чтобы всё объяснить, и сдёрнул с лица полусвалившуюся красную вуаль. Но тут он увидел, что взгляд незнакомца застыл на его левой щеке, и удивление на его лице стало ещё сильнее.

Цзянь Жу замер. Он вспомнил про свой ужасный шрам. Хотел было прикрыть его рукой, но заставил себя не двигаться и, стиснув зубы, позволил незнакомцу смотреть.

— Я... — снова заговорил тот.

Цзянь Жу поднял на него глаза, но увидел лишь, как тот, глядя на него, закатил глаза, а в следующую секунду рухнул на землю без сознания.

Цзянь Жу ошеломлённо стоял на месте. Он коснулся шрама на своей щеке, и сердце его мучительно сжалось.

Речной бог... упал в обморок от ужаса.

С тех пор молодой человек больше не приходил в себя.

То, что Цзянь Жу принял за здоровый румянец, оказалось жаром. И жар был сильный, даже дыхание его обжигало.

Цзянь Жу убрал руку со лба незнакомца и растерялся.

Он сам провёл в воде пол ночи, и теперь, хоть и был весь мокрый, кроме ушибов от камней и усталости от переноски тяжестей, чувствовал себя сносно. А этот, хоть и высокий, оказался куда слабее его. Болезнь, похоже, только усиливалась.

Цзянь Жу выглянул из пещеры. Мир утонул в дожде, небо и земля слились в единое целое. Потоки воды размывали землю, превращая её в ручейки, что стекали к реке.

Этому человеку нужно тепло, нужен огонь, нужна горячая вода.

Они были у подножия горы, и сухостоя вокруг хватало. Можно было бы пойти собрать дров, но после стольких дней дождя они наверняка насквозь промокли, и чтобы разжечь огонь, их пришлось бы сначала просушить.

Он пошарил у себя под красным свадебным платьем. В кармашке, который он сам пришил к своей одежде, нашлось несколько медных монет и огниво, но и они давно размокли и превратились в труху.

Цзянь Жу вздохнул и, оторвав кусок от своего свадебного платья, смочил его в дождевой воде, отжал и приложил ко лбу молодого человека.

Он сел рядом, ожидая, пока кончится дождь, чтобы пойти поискать дров. Время от времени он трогал красную тряпицу, и, когда та нагревалась, снова мочил её.

Иногда он подставлял ладонь под дождь и поил незнакомца.

Он повторял это снова и снова, но дыхание молодого человека становилось всё более частым и горячим. Лицо его, то ли от жара, то ли от полинявшей красной ткани, стало пунцовым.

Цзянь Жу испугался.

Он колебался, но потом, стиснув зубы, стянул с незнакомца верхнюю одежду. Не смея разглядывать, он изо всех сил отжал воду и, когда ткань стала почти сухой, снова накрыл его.

Снять штаны он так и не решился.

Оторвав ещё один кусок ткани от своего платья, он смочил его, отжал и, просунув под одежду незнакомца, принялся обтирать его, чтобы сбить жар.

Так прошло ещё много времени. Румянец на лице незнакомца спал, дыхание стало ровнее. Цзянь Жу потрогал его лоб — кажется, жар немного спал.

Он с облегчением вздохнул и только теперь почувствовал, как устал, проголодался и замёрз. Сонливость была такой сильной, что глаза сами собой закрывались. Он, продолжая тереть руки, подумал: «Только на минуточку, одну минуточку», — и, сам того не заметив, заснул.

Он не знал, сколько проспал, но, когда открыл глаза, почувствовал, что что-то не так.

На улице уже смеркалось, а дождь всё не прекращался, лил так, словно небо прорвалось.

Он повернулся к молодому человеку. В тусклом свете лицо его было бледным как бумага, с землистым оттенком, грудь почти не вздымалась.

Цзянь Жу в ужасе подполз к нему и, дрожа, поднёс руку к его носу. Дыхание было едва ощутимым.

На этот раз Цзянь Жу больше не колебался.

Он когда-то ухаживал за парализованной матерью Чжан Цзяо, так что теперь действовал быстро и уверенно. Он стянул с молодого человека штаны и вместе с остальной одеждой расстелил их на холодном каменном полу.

Затем он зажмурился, стиснул зубы и, потянувшись к вороту, расстегнул застёжки. В несколько движений он снял с себя всю одежду, оставшись в одной нижней рубаше. Свои, уже наполовину высохшие от тепла его тела вещи, он накрыл незнакомца. А самое верхнее, красное свадебное платье, прикрепил ветками ко входу в пещеру, воткнув их в землю, чтобы хоть как-то защититься от ветра и дождя.

Закончив с этим, Цзянь Жу вернулся к незнакомцу.

С завешенным входом в пещере стало почти совсем темно. Лишь смутно виднелся неподвижный силуэт на земле, похожий на мертвеца.

Цзянь Жу больше не раздумывал. Он одним движением сорвал с себя последнюю одежду и тоже накрыл ею незнакомца. А сам, потеряв покрывшиеся гусиной кожей руки, приподнял одежду и, забравшись под неё, крепко обнял ослабевшее тело.

От прикосновения к холодной коже он вздрогнул, но сейчас ему было не до посторонних мыслей. Тело незнакомца было ледяным, как у покойника. Если бы Цзянь Жу не нащупал слабое биение сердца, он бы подумал, что тот уже умер.

Во тьме, под шум ветра и дождя, Цзянь Жу, мелко дрожа, зажмурился и уткнулся лицом в холодную шею незнакомца.

Он очень устал, очень проголодался, и ему было очень горько.

Цзян Маоцай и Чжан Цзяо, наверное, уже давно сбежали из деревни и отправились туда, куда мечтали.

«Все эти годы, с тех пор как я начал что-то соображать, я любил только Цзяоцзяо. Вы всегда играли вместе, и я был добр к тебе лишь для того, чтобы порадовать его».

«Ты мне никогда не нравился, а после того, что случилось, твоё лицо стало как у демона. Как я мог тебя полюбить?»

Слова Цзян Маоцай звучали в ушах так, словно он сказал их только что.

Цзянь Жу хотел заплакать, но слёз не было.

Монах в храме говорил, что спасти одну жизнь — всё равно что построить семьюрусную пагоду.

Цзянь Жу подумал, что жизнь его была пустой и бессмысленной. Если он сможет спасти этого человека, то, может быть, он прожил её не зря.

Цзянь Жу заснул, а может, просто потерял сознание от голода и усталости.

Посреди ночи ему показалось, что кто-то с ним говорит и очень осторожно его переворачивает.

Цзянь Жу что-то промычал, но не смог ни открыть глаза, ни пошевелиться. А потом снова провалился в небытие.

Позже он ещё раз очнулся, но по-прежнему не мог открыть глаз. Ему казалось, что он качается, словно в колыбели, которую отец сделал ему в детстве.

Кто-то поил его водой. Он жадно глотал, а когда вода кончилась, нечаянно прикусил чей-то палец.

Но тот, кому принадлежала рука, не рассердился. Он лишь ласково похлопал его по плечу и снова поднёс воду.

Цзянь Жу снова выпил всё до капли.

Перед тем как снова уснуть, он повернулся так, чтобы спрятать в подушку изуродованную шрамом половину лица.

«Он хороший человек, — подумал он сквозь дрему. — Нельзя его пугать».

Когда Цзянь Жу снова открыл глаза, он лежал в незнакомой комнате.

Полог кровати был наполовину поднят, открывая вид на затянутое промасленной бумагой окно. Рядом с окном на резном столике стояла белая орхидея.

У стены располагался длинный стол с письменными принадлежностями, а рядом с ним — кресло с изогнутой спинкой.

В комнате витал тонкий, незнакомый аромат — смесь запаха лекарств и чего-то ещё, очень приятный.

Это был не его дом.

Цзянь Жу окончательно проснулся. Воспоминания нахлынули, и он с тревогой сел.

Плотное одеяло соскользнуло, открывая тонкую, мягкую ночную рубашку.

Это была не его одежда. Цзянь Жу потрогал ткань — такой хорошей он никогда не видел.

Волосы и тело были чисто вымыты, а под рубашкой не было ничего.

Цзянь Жу стало ещё тревожнее.

В этот момент за дверью послышались шаги. Цзянь Жу схватил одеяло и, натянув его до подбородка, настороженно уставился на дверь.

Вскоре деревянная дверь со скрипом отворилась, и в комнату вошёл юноша с приятной внешностью, неся в руках поднос.

Увидев, что Цзянь Жу проснулся, он удивлённо воскликнул:

— О, маленький господин наконец-то очнулся!

С этими словами он подошёл к кровати, поставил поднос на круглый столик и закрепил вторую половину полога.

Цзянь Жу следил за его действиями, но по одной лишь фразе остро почувствовал неприязнь.

— Где я? И кто ты? — спросил Цзянь Жу.

Юноша сел на стул у кровати и посмотрел на него, задержав взгляд на его изуродованной щеке.

Цзянь Жу не отвёл глаз, позволив ему смотреть.

— Это поместье старосты Ли для разведения лошадей, — ответил юноша. — А я — Сунь Юйшуан, супруг третьего сына старосты Ли.

Цзянь Жу знал и старосту Ли, и это поместье.

Когда-то, бывая в городе, он видел его издалека. Чжан Цзяо тогда с завистью говорил, что это место для богачей, и если бы удалось устроиться сюда конюхом, можно было бы прокормить всю семью.

Цзянь Жу никогда не думал, что однажды окажется здесь, да ещё и в такой хорошей комнате, пусть и временно.

Сидевший у кровати Сунь Юйшуан был хорош собой: белая, нежная кожа, ясные глаза, красивые зубы, изысканная одежда. Каждое его движение было исполнено изящества, и даже имя у него было красивым.

Хотя Цзянь Жу и не думал сравнивать себя с ним, он не мог не почувствовать себя немного униженным.

Это было не его место.

Он провёл рукой по гладкому шёлку простыни и, сжав пальцы, сказал:

— Меня зовут Цзянь Жу, я из деревни Чаншоу. Я хотел бы поблагодарить того, кто спас меня.

Сунь Юйшуан усмехнулся как-то странно и, оглядев Цзянь Жу, спросил:

— А после благодарности что?

Цзянь Жу недоумённо посмотрел на него.

— После благодарности, конечно, вернусь домой.

Сунь Юйшуан усмехнулся ещё более странно.

— А ты захочешь возвращаться?

— Что? — Цзянь Жу не понял его.

Сунь Юйшуан перестал улыбаться, и лицо его стало немного надменным.

— В последнее время племянник старосты Ли, Второй молодой господин Ли, лечился в этом поместье. Позавчера вечером он гулял у реки, поскользнулся и упал в воду. Все мужчины из семьи Ли были в отъезде, его искали целые сутки и нашли только в низовьях реки Чжусю, в пещере у горы.

Цзянь Жу вспомнил молодого человека, которого он тащил в пещеру, и то, что он сделал, чтобы спасти его.

Даже при всей его невозмутимости, щёки его залились краской.

Интересно, что с ним стало? Выжил ли он?

Теперь он понял, что это был никакой не речной бог. Разве боги тонут в воде и болеют так сильно?

— Ты спас Второго молодого господина Ли, — равнодушно произнёс Сунь Юйшуан, — и теперь стал для семьи Ли великим благодетелем.

Значит, с ним всё в порядке. Цзянь Жу с облегчением вздохнул.

О благодарности он не думал. Он спас его лишь для того, чтобы успокоить свою совесть.

Но его волновало другое. Он не решался спросить прямо и, помедлив, сказал:

— Моя одежда...?

Сунь Юйшуан окинул его взглядом.

— Я тебя обмыл и передел.

У Цзянь Жу отлегло от сердца.

Он хотел было поблагодарить, но Сунь Юйшуан встал, собираясь уходить.

— Это лекарство от простуды, выпей.

Хотя голова у него кружилась и его знобило, Цзянь Жу не хотел быть ещё больше обязанным. Он и так не знал, как расплатиться. Он взглянул на чашу с отваром на столе и, поклонившись, поблагодарил, но добавил:

— Я не простудился, не стоит беспокоиться.

Эти слова почему-то разозлили его собеседника. Сунь Юйшуан изменился в лице и с сарказмом сказал:

— Семья Ли — потомственные лекари. Твой пульс слушал сам Второй молодой господин Ли, ты ему не доверяешь?

Цзянь Жу замер.

— Это он?..

О семье Второго молодого господина Ли Цзянь Жу тоже слышал. Самая большая аптека в городе принадлежала им.

Отец Второго молодого господина был братом старосты Ли. И хотя их семья не была так богата, как семья старосты, они были зажиточными людьми. К тому же, он был искусным лекарем и часто лечил бедных бесплатно, за что пользовался большим уважением.

Жаль, что хорошие люди долго не живут. Старый лекарь Ли пару лет назад заболел, когда ехал к больному, и вскоре умер. Но, говорят, его дети тоже стали хорошими лекарями и успешно ведут дела аптеки.

Сунь Юйшуан холодно усмехнулся.

— Не думал, что деревенский юноша может быть таким хитрым.

— Не волнуйся, семья Ли — порядочные люди, — его взгляд, словно игла, впился в изуродованную шрамом щеку Цзянь Жу. — Даже если Второй молодой господин Ли и не захочет, он будет обязан тебе за спасение и должен будет как-то отблагодарить.

Цзянь Жу замер, пытаясь понять смысл его слов, и лишь смотрел, как Сунь Юйшуан, встряхнув рукавами, вышел из комнаты.

<http://bllate.org/book/13681/1212211>